

"Жребий Пушкина", статья о С. Н. Булгакова

По случаю пушкинского юбилея произведена была некая мобилизация наших сил: о Пушкине высказывались, печатно и устно, не только специалисты-пушкиноведы и историки литературы, но и многие представители других областей словесности: беллетристы, философы, публицисты -- порою прославленные. Нельзя сказать, чтобы эти высказывания очень удались. Дело кончилось тем, что одни, вместо того чтобы говорить о Пушкине, с забавной и жалкой важностью говорили о себе; другие разразились напыщенной, но бессодержательной декламацией; третьи сбились на повторение старых общеизвестных мыслей, верных и неверных. Печальной особенностью этих маститых, но неопытных высказываний было то, что суждения нередко основывались на исключительно плохой осведомленности о жизни и творчестве Пушкина. Делались многозначительные ссылки на стихи, Пушкину не принадлежащие; стихи подлинно пушкинские приводились в испорченных редакциях, выражающих не то, что в действительности писал Пушкин; авторам статей оказывались неизвестны вполне установленные факты, опровергающие их мнения; обратно -- сообщалось о событиях, в действительности не бывших, сведения о которых черпались из давно опороченных источников (в частности, многое было основано на самых фантастических сообщениях из так называемых "Записок А. О. Смирновой", подложность которых установлена лет уже тридцать тому назад).

Вообще говоря, эти писания, словно написанные по системе "что верно, то не ново, что ново, то не верно", никаких лавров в наш венок не вплели. Вспомнились они мне только к слову, потому что на днях мне довелось ознакомиться еще с одной статьей, также вышедшей из-под пера неспециалиста, но глубоко отличной от всего, что до сих пор было опубликовано. Я имею в виду статью о С. Н. Булгакова "Жребий Пушкина", напечатанную в только что вышедшей двенадцатой книжке "Нового Града". Моя пушкинистская совесть была бы неспокойна, если бы я скрыл, что и в этой работе найдется некоторое количество неточностей, задевающих пушкинистский слух. Так, 18-й стих "Пророка" читается не "И жало мудрое змеи", а "И жало мудрых змей": эпитет относится не к жалу, а к змее, и дан не в винительном падеже среднего рода, а в архаической форме родительного падежа женского рода; Н. Н. Гончарова не была фрейлиною в девичестве и, конечно, не могла ею стать, когда сделалась Н. Н. Пушкиной; стихотворение "Красавица (В альбом Г***)" отнюдь к ней не относится... Но эти неточности касаются лишь частных, не существенных для решения поднятых вопросов. Во всем же существенном о. Булгаков, напротив, высказывает серьезное и углубленное знание Пушкина. Вот почему приходится отнестись с большим и почтительным вниманием к его статье, выдающейся как по важности самой темы, так и по значительности многих высказанных мыслей. Однако такое внимание, мне кажется, не только не препятствует, но и обязывает высказать возражения, возникающие при чтении.

Говоря о причинах пушкинской гибели, о. Булгаков прежде всего выдвигает мысль чрезвычайно существенную и верную. Не отрицая важности жизненных обстоятельств (литературных, семейных, общественных), сыгравших огромную роль в истории последних лет жизни Пушкина, о. Булгаков тем не менее отказывается объяснить все только ими, все свалить на злую волю других, представить Пушкина безответной жертвой. Пушкин, говорит он, "не нуждается в такой защите. Он достоин того, чтобы самому ответствовать перед Богом и людьми за свои дела". И в другом месте: "Судьба Пушкина есть прежде всего его собственное дело. Отвергнуть это -- значит совершенно лишить его самого ответственного дара -- свободы, превратив его судьбу в игральное внешнее событие. Над свободой Пушкина до конца не властны были одинаково ни бенкендорфская полиция, ни мнение света, ни двор".

Чтобы установить степень и содержание вины Пушкина перед самим собой, о. Булгаков обращается к истории религиозных воззрений и переживаний Пушкина. "Только бесстыдство и тупоумие способны утверждать безбожие Пушкина перед лицом неопровержимых свидетельств его жизни, как и его поэзии. Переворот или естественный переход Пушкина от неверия (в котором, впрочем, и раньше было больше легкомыслия и снобизма, нежели серьезного умонастроения) совершается в середине 20-х годов, когда в Пушкине мы наблюдаем определенно начавшуюся религиозную жизнь". Кое-что в этой формулировке, мне кажется, не совсем точно. О юношеском безверии Пушкина (в эпоху Лицея и "Зеленой лампы") можно говорить, не страдая ни тупоумием, ни бесстыдством. Пушкинское эпикурейство той поры не было следствием только легкомыслия и снобизма. Оно было следствием глубокого душевного процесса, который сам Пушкин замечательно определил словами: "Ум ищет Божества, а сердце не находит". В знаменитом письме, за которое он был сослан из Одессы в Михайловское, он называет атеизм "системой не столь утешительной, как обыкновенно думают, но, к